

Дело с застезками

...Нас было трое приятелей Семка Каргуза, я и Мишка бородатый гигант с большими синими глазами, вечно ласково улыбавшимися всему и вечно опухшими от пьянства. Мы обитали в поле, за городом, в старом полуразрушенном здании, почему-то называвшемся стеклянным заводом, может быть, потому, что в его окнах не было ни одного целого стекла. Мы брали разные работы: чистили дворы, рыли канавы, погреба, помойные ямы, разбирали старые здания и заборы и однажды даже попробовали построить курятник. Но это нам не удалось Семка, всегда относившийся педантически честно к взятым на себя обязанностям, усомнился в нашем знакомстве с архитектурой курятников и однажды в полдень, когда мы отдыхали, взял да и снес в кабак выданные нам гвозди, две новые доски и топор работодателя. За это нас прогнали с работы; но так как взять с нас было нечего к нам не предъявили никаких претензий. Мы перебивались с хлеба на воду и все трое ощущали вполне естественное и законное в таком положении недовольство нашей судьбой.

Иногда оно принимало острую форму, вызывавшую в нас враждебное чувство ко всему окружающему и увлекавшее на подвиги довольно буйственные и предусмотренные Уложением о наказаниях, налагаемых мировыми судьями; но вообще мы были меланхолично тупы, озабочены приисканием заработка и крайне слабо реагировали на все те впечатления бытия, от которых нельзя было чем-либо поживиться.

Мы все трое встретились в ночлежном доме недели за две до факта, о котором я хочу рассказать, считая его интересным.

Через два-три дня мы были уже друзьями, ходили всюду вместе, поверяли друг другу свои намерения и желания, делили поровну все, что перепало кому-либо одному из нас, и вообще заключили между собой безмолвный оборонительный и наступательный союз против жизни, обращавшейся с нами крайне враждебно.

Мы весьма усердно отыскивали в течение дня возможность что ни то разобрать, распилить, выкопать, перетаскать, и если таковая возможность представлялась, то сначала довольно ревностно принимались за работу.

Но потому, должно быть, что в душе каждый из нас считал себя предназначенным для выполнения более высших функций, чем, например, копанье помойных ям или чистка их, что еще хуже, прибавлю для непосвященных в это дело, часа через два работы нам она переставала нравиться. Потом Семка начинал сомневаться в ее надобности для жизни.

Копают яму... А для чего? Для помоев. А просто бы так лить на двор? Нельзя, вишь. Пахнуть, дескать, будет. Ишь ты! Помои будут пахнуть! Скажут тоже у безделья-то. Выброси, например, огурец соленный чем он будет пахнуть, коли он маленький? Полежит день и нет его, сгнил. Это вот ежели человека мертвого выбросить на солнце, он действительно попахнет, потому гадина крупная.

Такие Семкины сентенции сильно охлаждали наш трудовой пыл... И это было довольно выгодно для нас, если работа была взята поденно, но при сдельной работе всегда выходило так, что плата за нее забиралась и проедалась нами ранее, чем работа была доведена до конца. Тогда мы шли к хозяину просить прибавки; он же в большинстве случаев гнал нас вон и грозил с помощью полиции заставить нас докончить труд, уже оплаченный им. Мы возражали, что голодные мы не можем работать, и более или менее возбужденно настаивали на прибавке, чего в большинстве случаев и достигали.

Конечно, это было непорядочно, но, право же, это было очень выгодно, и мы ни при чем, если в жизни устроено так неловко, что порядочность поступка всегда почти стоит против выгоды его.

Пререкания с работодателями всегда брал на себя Семка и поистине артистически ловко вел их, излагая доказательства своей правоты тоном человека, измученного работой и изнывающего под тяжестью ее...

А Мишка смотрел, молчал и хлопал своими голубыми глазами, то и дело улыбаясь доброй, умиротворяющей улыбкой, как бы пытаясь сказать что-то и не находя в себе решимости. Он говорил вообще очень мало и только в пьяном виде бывал способен сказать нечто вроде спича.

Братцы мои! восклицал он тогда, улыбаясь, и при этом его губы странно вздрагивали, в горле першило, и он несколько времени после начала речи кашлял, прижимая горло рукой...

Н-ну? нетерпеливо поощрял его Семка.

Братцы вы мои! Живем мы, как собаки... И даже не в пример хуже... А за что? Неизвестно. Но, надо полагать, по воле господ бога. Все делается по его воле... а, братцы? Ну, вот... Значит, мы достойны собачьего положения, потому что люди мы плохие. Плохие мы люди, а? Ну, вот... Я и говорю теперь: так нам, псам, и надо. Верно я говорю? Выходит это нам по делам нашим. Значит, должны мы терпеть нашу судьбу... а? Верно?

Дурак! равнодушно отвечал Семка на тревожные и пытливые вопросы товарища.

А тот виновато ежился, робко улыбался и молчал, моргая слипавшимися от опьянения глазами.

Однажды нам пофартило.

Мы, ожидая спроса на наши руки, толкались по базару и наткнулись на маленькую, сухую старушку с лицом сморщенным и строгим. Голова у нее тряслась, и на совином носе попрыгивали большие очки в тяжелой серебряной оправе; она их постоянно поправляла, сверкая маленькими, сухо блестящими глазками.

Вы что свободны? Работы ищете? спросила она нас, когда мы все трое с вождением уставились на нее.

Хорошо, сказала она, получив от Семки почтительный и утвердительный ответ. Вот мне надо разломать старую баню и вычистить колодец... Сколько бы вы взяли за это?

Надо посмотреть, барыня, какая такая будет у них, у баньки вашей, величина, вежливо и резонно сказал Семка. И опять же колодец... Разные они бывают. Иногда очень глубокие...

Нас пригласили посмотреть, и через час мы, уже вооруженные топорами и дрекольем, лихо раскачивали стропила бани, взявшись разрушить ее и вычистить колодец за пять рублей. Баня помещалась в углу старого запущенного сада. Невдалеке от нее в кустах вишни стояла беседка, и с потолка бани мы видели, что старушка сидит в беседке на скамье и, держа на коленях большую развернутую книгу, внимательно читает ее... Иногда она бросала в нашу сторону внимательный и острый взгляд, книга на ее коленях шевелилась, и на солнце блестели ее массивные, очевидно, серебряные застёжки...

Нет работы спорее, чем работа разрушения...

Мы усердно возились в клубах сухой и едкой пыли, поминутно чихая, кашляя, сморкаясь и протирая глаза; баня трещала и рассыпалась, старая, как ее хозяйка...

Ну-ка, наляжь, братцы, дружно-о! командовал Семка, и венец за венцом, кряхтя, падал на землю.

Какая бы это у нее книга? Толстенная такая, задумчиво спросил Мишка, опираясь на стяг и отирая ладонью пот с лица. Мгновенно превратившись в мулату, он поплевал на руки, размахнулся стягом, желая всадить его в щель между бревнами, всадил и добавил также задумчиво: Ежели евангилье больно толсто будто...

А тебе что? полюбопытствовал Семка.

Мне-то? Ничего... Люблю я послушать книгу... священную ежели... У нас в деревне был солдат Африкан, так тот, бывало, как начнет псалтырь честь... ровно барабан бьет... Ловко читал!

Ну, так что ж? снова спросил Семка, свертывая папироску...

Ничего... Хорошо больно... Хоть оно непонятно... а все-таки слово этакое... на

улице ты его не услышишь... Непонятно оно, а чувствуешь, что это слово для души.

Непонятно, ты говоришь... а все-таки видно, что глуп ты, как пень лесной... передразнил Семка товарища.

Известно... ты всегда ругаешься... вздохнул тот.

А с дураками как говорить? Разве они могут что понимать? Валяй-ка вот эту гнилушину... о-о!

Баня рассыпалась, окружаясь обломками и утопая в тучах пыли, от которой листья ближайших деревьев уже посерели. Июльское солнце не щадило наших спин и плеч, распаривая их...

А книга-то в серебре, снова заговорил Мишка.

Семка поднял голову и пристально посмотрел в сторону беседки.

Похоже, кратко изрек он.

Значит, евангилье...

Ну, и евангилье... Так что?

Ничего...

Этого добра у меня полны карманы. А ты бы, коли священное писание любишь, пошел бы да и сказал ей: почитайте, мол, мне, бабушка. Нам, мол, этого взять неоткуда... В церкви мы, по неприличности и грязноте нашей, не ходим... а душа, мол, у нас тоже... как следует... на своем месте... Подь-ка, ступай!

А и впрямь... пойду?

И пойдешь...

Мишка бросил стяг, одернул рубаху, размазал ее рукавом пыль по роже и спрыгнул с бани вниз.

Турнет она тебя, лешмана... проворчал Семка, скептически улыбаясь, но с крайним любопытством провожая фигуру товарища, пробиравшегося среди лопухов к беседке. Он, высокий, согнувшийся, с обнаженными грязными руками, грузно раскачиваясь на ходу и задевая за кусты, тяжело двигался вперед и улыбался смущенно и кротко. Старушка подняла голову навстречу подходившему босяку и спокойно мерила его глазами.

На стеклах ее очков и на их серебряной оправе играли лучи солнца.

Она не турнула его, вопреки предположению Семки. Нам не слышно было за шумом листвы, о чем говорил Мишка с хозяйкой; но вот мы видим, что он грузно опускается на землю к ногам старухи, и так, что его нос почти касается раскрытой книги. Его лицо степенно и спокойно; он мы видим дует в свою бороду, стараясь согнать с нее пыль, возится и наконец усаживается в неуклюжей позе, вытянув шею вперед и выжидающе рассматривая сухие маленькие руки старушки, методично перевортывающие листы книги.

Ишь ты... лохматый пес!.. Отдых себе сделал... Айда и мы? Чего так-то? Он там

будет прокладываться, а мы лопом за него. Айда?

Через две-три минуты мы с Семкой тоже сидели на земле по бокам нашего товарища. Старушка ни слова не сказала встречу нам, она только посмотрела на нас пристально и снова начала перекидывать листы книги, ища в ней чего-то... Мы сидели в пышном зеленом кольце свежей пахучей листвы, над нами было раскинуто ласковое и мягкое безоблачное небо. Иногда пролетал ветерок, листья начинали шелестеть тем таинственным звуком, который всегда так смягчает душу, рождает в ней тихое, умиротворяющее чувство и заставляет задумываться о чем-то неясном, но близком человеку, очищая его от внутренней грязи или по меньшей мере заставляя временно забывать о ней и дышать легко и ново...

Павел, раб Иисуса Христа... раздался голос старушки. Он старчески дребезжал и прерывался, но был полон благочестия и суровой важности. При первых звуках его Мишка истово перекрестился, Семка заерзал по земле, выискивая более удобную позу. Старушка окинула его глазами, не переставая читать.

Я весьма желаю увидеть вас, чтобы преподать вам некое дарование духовное к утверждению вашему, то есть утешаться с вами верою общюю, вашею и моею. Семка, как истинный язычник, громко зевнул, его товарищ укоризненно вскинул на него синими глазами и низко опустил свою лохматую голову, всю в пыли...

Старушка, не переставая читать, тоже строго взглянула на Семку, и это его смутило. Он повел носом, скосил глаза и должно быть, желая изгладить впечатление своего зевка глубоко и благочестиво вздохнул.

Несколько минут прошли спокойно. Вразумительное и монотонное чтение действовало успокоительно.

Ибо открывается гнев божий с неба на всякое нечестие и...

Что тебе нужно? вдруг крикнула чтица на Семку.

А... а ничего! Вы извольте читать, я слушаю! смиренно объяснил он.

Зачем ты трогаешь застёжки своей грязной ручищей? сердилась старушка.

Любопытно... потому работа очень уж тонкая. А я это понимаю слесарное дело мне известно... Вот я и пощупал.

Слушай! сухо приказала старушка. Скажи мне о чем я тебе читала?

Это извольте. Я ведь понимаю...

Ну, говори...

Проповедь... стало быть, поучение насчет веры, а также и нечестия... Очень просто и... все верно! Так за душу и щиплет!

Старушка печально потрясла головой и оглядела всех нас с укором.

Погибшие... Камни вы... Ступайте работать!

Она тово... рассердилась будто бы? виновато улыбаясь, заявил Мишка.

А Семка почесался, зевнул и, посмотрев вслед хозяйке, не оборачиваясь удалявшейся по узкой дорожке сада, задумчиво произнес:

А застежки-то у книжицы серебряные...

И он улыбнулся во всю рожу, как бы предвкушая что-то.

Переночевав в саду около развалин бани, уже совершенно разрушенной нами за день, к полудню другого дня мы вычистили колодец, вымочились в воде, выпачкались в грязи и в ожидании расчета сидели на дворе у крыльца, разговаривая друг с другом и рисуя себе сытный обед и ужин в близком будущем; заглядывать же в более отдаленное никто из нас не имел охоты...

Ну, какого черта старая ведьма не идет еще, нетерпеливо, но вполголоса возмущался Семка. Подохла, что ли?

Эк он ругается! укоризненно покачал головой Мишка. И чего, например, ругается? Старушка настоящая божья. А он ее ругает. Этаким характер у человека...

Рассудил... усмехнулся его товарищ. Пугало... огородное...

Приятная беседа друзей была прервана появлением хозяйки. Она подошла к нам и, цотягивая руку с деньгами, презрительно сказала:

Получите и... убирайтесь. Хотела я вам отдать баню распилить на дрова, да вы не стоите этого.

Не удостоенные чести распилить баню, в чем, впрочем, мы в не нуждались теперь, мы молча взяли деньги и пошли.

Ах ты, старая кикимора! начал Семка, чуть только мы вышли за ворота.

Накося! Не стоим! Жаба дохлая! Ну-ка, вот скрипи теперь над своей книгой...

Сунув руку в карман, он выдернул из него две блестящие металлические штучки и, торжествуя, показал их нам.

Мишка остановился, любопытно вытягивая голову вперед и вверх к поднятой руке Семки.

Застежки отломал? спросил он удивленно...

Они самые... Серебряные!.. Кому не надо рубль даст.

Ах ты! Когда это ты? Спрячь... от греха...

И спрячу...

Мы молча пошли дальше по улице.

Ловко... задумчиво говорил Мишка сам себе. Взял да и отломил... Н-да... А книга-то хорошая... Старуха... обидится, чай, на нас...

Нет... что ты! Вот она нас позовет назад, да на чай даст... трунил Семка.

А сколько ты за них хошь?

Последняя цена девять гривен. Ни гроша не уступлю... себе дороже... Видишь ноготь сломал!

Продай мне... робко спросил Мишка.

Тебе? Ты что запонки хочешь завести себе?.. Купи, ха-арошие запонки выйдут... как раз к твоей харе.

Нет, право, продай! И Мишка понизил тон просьбы...

Купи, говорю... Сколько дашь?

Бери... сколько там есть на мою долю?

Рубль двадцать...

А тебе сколь за них?..

Рубль!

Чай, уступи... для друга!..

Дура нетрепанная! На кой те их дьявол?

Да уж ты продавай знай...

Наконец торг был заключен, и застешки перешли за девяносто копеек в руки Мишки.

Он остановился и стал вертеть их в руках, наклонив кодластую голову и наморщив брови и пристально рассматривая два кусочка серебра.

Нацепи их на нос себе... посоветовал ему Семка.

Зачем? серьезно возразил Мишка. Не надо. Я их старушке стащу. Вот, мол, мы, старушка, нечаянно захватили эти штуковины, так ты их... опять пристрой к месту... к книге этой самой... Только ты вот их с мясом выдрал... это как теперь?

Да ты, черт, взаправду понесешь? разинул рот Семка.

А как?.. Видишь ты, такая книга... нужно, чтоб она в полной целости была... ломать от нее куски разные не годится... И старушка тоже... обидится... А ей умирать надо... Вот я и того... Вы меня, братцы, подождите с минутку... а я побегу назад...

И раньше, чем мы успели удержать его, он крупными шагами исчез за поворотом улицы...

Ну, и мокрица-человек! Жиделяга грязная! возмутился Семка, поняв суть факта и его возможные последствия.

И, отчаянно ругаясь через два слова в третье, он начал убеждать меня:

Айда, скорей! Провалит он нас... Теперь сидит, чай, поди, руки у него назад...

А старая карга уж и за будочником послала!.. Вот те и водись с таким пакостником! Да он ни за сизо перышко в тюрьму тебя вопрет! Нет, каков мерзавец-человек?! Какая, подлой души, тварь с товарищем так поступить может?! Ах ты, господи! Ну, и люди стали! Айда, черт, чего ты растяпился! Ждешь? Жди, черт вас всех, мошенников, возьми! Тьфу, анафема! Не идешь? Ну так...

Посулив мне нечто невероятно скверное, Семка ожесточенно ткнул меня кулаком в бок и быстро пошел прочь...

Мне хотелось знать, что делает Мишка с нашей бывшей хозяйкой, и я тихонько отправился к ее дому. Мне не думалось, что я подвергаюсь какой-либо опасности или неприятности.

И я не ошибся.

Подойдя к дому и приложившись глазом к щели в заборе, я увидел и услышал только следующее: старуха сидела на ступеньках крыльца, держала в руках выданные с мясом застешки своей библии и через очки пытливо и строго смотрела в лицо Мишки, стоявшего ко мне задом...

Несмотря на строгий и сухой блеск ее острых глаз, по углам губ у нее образовалась мягкая складка кожи; видно было, что старушка хочет скрыть добрую улыбку, улыбку прощения.

Из-за спины старухи смотрели какие-то три рожи: две женские, одна красная с повязанным пестрым платком, другая простоволосая, с бельмом на левом глазу, а из-за ее плеч высывалась физиономия мужчины, клинообразная, в седых бачках и с вихром на лбу... Она то и дело странно подмаргивала обоими глазами, как бы говоря Мишке: Утекай, брат, скорей!

Мишка мямлил, пытаясь объяснить:

...Такая редкостная книга. Вы, говорит, все скоты и псы... собаки. Я и думаю... Господи верно! Так надо говорить по правде... сволочи мы и окаянные люди... подлецы! И опять же, думаю: барыня старушка, может, у ней и утеха одна, что вот книга да и все тут... Теперь застешки... много ли за них дадут? А ежели при книге, то они вещь! Я и помыслил... дай-ка, мол, я обрадую старушку божию, отнесу ей вещь назад... К тому же мы, слава те господи, заработали малу толику на пропитание. Счастливо оставаться! Я уж пойду.

Погоди! остановила его старуха. Понял ты, что я вчера читала?..

Я-то? Где мне понять! Слышу это так... да и то как слышу? Разве у нас уши для слова божия? Нам оно непонятно... Прощевайте...

Та-ак! протянула старуха. Нет, ты погоди...

Мишка тоскливо вздохнул на весь двор и по-медвежьи затоптался на месте. Его уже, очевидно, тяготило это объяснение...

А хочешь ты, чтоб я еще почитала тебе?

Мм... товарищи ждут...

Ты плюнь на них... Ты хороший малый... брось их.

Хорошо... тихо согласился Мишка.

Бросишь? Да?

Брошу...

Ну, вот... умница!.. Совсем ты дитя... а борода вон какая... до пояса почти...

Женат ты?..

Вдовый... померла жена-то...

А зачем ты пьешь? Ведь ты пьяница?

Пьяница... пью.

Зачем?

Пью-то? По глупости пью. Глуп, ну и пью. Конечно, ежели бы человеку ум... да рази бы он сам себя портил? уныло говорил Мишка.

Верно рассудил. Ну вот, ты и копи ум... накопи, да и поправься... ходи в церковь... слушай божие слово... в нем вся мудрость.

Оно, конечно... почти простонал Мишка.

А я еще почитаю тебе... хочешь?..

Извольте...

Старуха достала откуда-то из-за себя библию, порылась в ней, и двор огласился её дрожащим голосом:

Итак, неизвинителен ты, всякий человек, судящий другого, ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя, потому что, судя другого, делаешь то же!

Мишка тряхнул головой и почесал себе левое плечо.

...Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда божия?

Барыня! плачевно заговорил Мишка, отпустите меня для бога... Я вдругорядь лучше приду послушаю... а теперь больно мне есть хочется... так те вот и пучит живот-от... С вечера мы не евши...

Барыня сильно хлопнула книгой.

Ступай! Иди! отрывисто и резко прозвучало на дворе.

Покорнейше благодарим!.. И он чуть не бегом направился к воротам.

Нераскаянные души... Звериные сердца, шипело по двору вслед ему...

Через полчаса мы с ним сидели в трактире и пили чай с калачом.

Как буравом она меня сверлила... говорил Мишка, ласково улыбаясь мне своими милыми глазами. Стою я и думаю... Ах ты, господи! И зачем только пошел я? На муку пошел... Где бы ей взять у меня эти застёжки, да и отпустить меня, она разговор затеяла. Экий народ-чудак! С ними хочешь по совести поступать, а они свое гнут... Я по простоте души говорю ей: вот те, барыня, твои застёжки, не жалуйся на меня... а она говорит: нет, погоди, ты расскажи, зачем ты их мне принес? И пошла жилы из меня тянуть... Я даже взопрел от ее разговору... право, ей-богу.

И он все улыбался своей бесконечно кроткой улыбкой... Семка, надутый, взъерошенный и угрюмый, серьезно сказал ему:

Умри ты лучше, пень милый! А то завтра тебя с такими твоими выкрутасами мухи али тараканы съедят...

Ну уж! Ты скажешь слово. Дава-ко выпьемте по стакашку... за окончание

дела!

И мы дружно выпили по стакашку за окончание этого курьезного дела.